

Воспоминали вдругъ и битвы, и перуны

Стократъ великаго Царя,

И кроткія твои дѣла, Елисавета!

И пѣли все онѣ въ услышаніе свѣта,

Подъ смѣлой дланью рыбака.

Открылась для ума невѣдомая сфера,

.....

Любовь къ прекрасному зажглась,

И счастья заря, роскошно и привѣтно,

До скалъ и до степей Сибири многоцвѣтной

Отъ водъ Балтійскихъ разлилась.

Посѣяли тогда изящныя искусства

Въ груди богатырей возвышенныя чувства;

Окрѣпъ полміра властелинъ,

И обрекли его, въ воинственной державѣ,

Безсмертію вѣковъ и незакатной славѣ—

Петровъ, Державинъ, Карамзинъ!

II.

Потомъ, когда неодолимый

Сынъ революцій, Бонапартъ,

Вознесъ рукой непобѣдимой

Трехцвѣтный Франціи штандартъ;

Когда подъ сѣнь его эгиды

Склонились робко пирамиды

И Рима куполь золотой;

Когда смущенная Европа

Въ волнахъ кроваваго потопа

Страдала подъ его пятой;

Когда отважный, вѣвъ законовъ,

Какъ повелительное зло,

Онъ діадемою Бурбоновъ

Украсилъ дерзкое чело;

Когда, летая надъ землею,

Его орлы, какъ будто мглою,

Мрачили день и небеса;

Когда воинственные хоры

И гимны звучные пѣвцовъ

Ему читали приговоры

И одобренія вѣковъ,

И въ этомъ гулѣ осужденій,

Хулы, вражды, благословеній

Гремѣлъ, гремѣлъ, какъ дикій стонъ,

